

ГОРЬКИЙ — И. Э. БАБЕЛЬ

Исаак Эммануилович *Бабель* (1894—1941) встретился с Горьким в 1916 г. в Петрограде. В ноябрьской книжке журнала «Летопись» Горький напечатал первые рассказы Бабеля: «Мама, Римма и Алла» и «Илья Исаакович и Маргарита Прокофьевна».

«Надо думать, в моей жизни не было часов важнее тех, которые я провел в редакции „Летописи“, — писал впоследствии Бабель в своих воспоминаниях. — «Горький позвал меня в кабинет. Слова, сказанные им там, решили мою судьбу» (И. Б а б е л ь. Начало. — Альманах «Год XXI», кн. 13. М., 1938, стр. 79).

Вскоре, однако, убедившись в своей писательской неопытности, Бабель по совету Горького прервал литературную работу.

К литературе Бабель возвращается созревшим художником. В цитированных выше воспоминаниях о Горьком он рассказывает: «... демобилизовавшись, я сделал вторую попытку печататься и получил от него записку: „Пожалуй, можно начинать...“». В 1923 г. появляются первые новеллы Бабеля из циклов «Конармия» и «Одесские рассказы». Горький высоко оценил книгу «Конармия». Бабель «талантливо дополнил мое представление о героизме первой за всю историю армии, которая знает, за что она борется и ради чего будет биться» (М. Г о р ь к и й. Ответ Буденному. — «Правда», 1928, № 275, от 27 ноября).

Отмечая наиболее выдающиеся явления советской литературы, Горький 22 февраля 1928 г. писал Ромену Роллану о Бабеле: «Это человек очень крупного и красочного таланта — и человек строгих требований к себе самому» (АГ).

На всю жизнь сохранил Бабель глубочайшую признательность и любовь к Горькому. Он посвятил ему рассказ «История моей голубятни».

После смерти Горького Бабель говорил в беседе с корреспондентом «Комсомольской правды»: «Он был моим первым и главным учителем <...> До встречи с Горьким я не напечатал ни одной строчки и, может быть, не занимался бы литературой, если бы в течение годов меня непрерывно и страстно не толкала его рука. Она толкала меня в течение 20 лет» («Учитель». Беседа с тов. И. Бабелем. — «Комсомольская правда», 1936, № 172, от 27 июля).

Ниже печатается одно письмо Горького и семь писем Бабеля. Остальные письма Горького Бабелю обнаружить не удалось.

1

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 25 июня 1925 г.>

Дорогой Алексей Максимович.

Спасибо за письмо ¹. Оно рассеяло уныние, которому я был подвержен. В начале нынешнего года — после полуторагодовой работы — я усомнился в моих писаниях. Я нашел в них вычуры и цветистость. Мне казалось, что для меня наступает дурное время. В Петербурге, в 1917 г. я понял, как велика моя неумелость, и ушел в люди. В людях я прожил шесть лет, и в 1923 г. вновь принялся за литературную работу. Меня мучила мысль о том, что я обманул ваши ожидания. Но теперь вы знаете, что я

не обленился, не забросил писания, не забыл слов, сказанных вами мне в первый раз в кабинете «Летописи», на Монетной улице. Я не забыл их, Алексей Максимович. Они помогают мне в минуты неверия². Изю всех сил я буду стараться писать проще, душевнее, искреннее, чем писал до сих пор. И если я буду ошибаться, то прошу вас — не теряйте веры в меня.

В начале зимы собираюсь ехать за границу, м(ожет) б(ыть), увижу вас. Вторую половину лета и осень проведу на Сев(ерном) Кавказе. Я очень люблю этот край, и там у меня есть веселые товарищи.

Стихи Есенина (преlestные, лучшие из всех, какие сейчас пишутся в России) высылаются вам³; книга Огнева⁴ и № 6 альманаха «Круг»⁵ не вышли еще из печати.

Теперь просьба, может быть, это и бестактная просьба... Жена моя, Евгения Борисовна Бабель, имеет непреодолимое желание уехать в Италию. Она учится живописи и хочет усовершенствоваться в своем искусстве. Вы помните Кудрявцева из «Нов(ой) жизни»⁶? Он изучал испанский язык, у него было необыкновенной красоты издание Дон-Кихота на испанском языке, книга эта принадлежала в прошедшие времена какому-то герцогу, Кудрявцев читал ее с упоением. Так вот жена моя хочет ехать в Пизу, Лукку и еще куда-то. В здешнем итальянском посольстве ей сказали, что для скорейшего получения итальянской визы полезно сослаться на человека, живущего в Италии. По совету многих друзей я решился указать на вас, больше не на кого. Если вас запросят, не откажите, Алексей Максимович, ответить, что она человек тихий, для России бесполезный, для Италии безвредный. Извините, что затрудняю вас.

С рассказом, посвященным вам и напечатанным в предпоследнем № «Красной нови», вышло недоразумение. По причинам, от меня не зависящим, рассказ оборван на половине. Вторая половина появится в альманахе «Красная новь», выходящем на днях. Книжка будет вам послана немедленно. Я очень огорчился, что с вещью, посвященной вам, вышла глупая такая история⁷.

Ваш, любящий вас всем сердцем

И. Бабель

Москва 25/VI — 25.

Мой адрес: Москва, Пречистенка, Обухов пер. 6, кв. 23.

¹ Письмо Горького обнаружить не удалось. В письме от 18 июня 1925 г. редактору «Красной нови» А. К. Воронскому Горький писал: «С вами Бабель? Пожмите ему руку, я очень благодарю его за посвящение мне „Голубятни“. Растет этот человек и все лучше пишет. Ему следует отнестись к языку еще строже. Я писал ему, но не уверен, что он получил мое письмо» (АГ).

² В своих воспоминаниях Бабель приводит следующие слова Горького:

«Гвозди бывают маленькие, — сказал он, — бывают и большие — с мой палец. — И он поднес к моим глазам длинный, сильно и нежно вылепленный палец. — Писательский путь, уважаемый пистолет (с ударением на ó), усеян гвоздями, преимущественно крупного формата. Ходить по ним придется босыми ногами, крови сойдет довольно, и с каждым годом она будет течь все обильнее... Слабый вы человек — вас купят и продадут, вас затормошат, усыпят, и вы увянете, притворившись деревом в цвету... Честному же человеку, честному литератору и революционеру пройти по этой дороге — великая честь, на каковые нелегкие действия я вас, сударь, и благословляю» (Альманах «Год XXI», кн. 13. М., 1938, стр. 79).

³ С. Есенин. Стихи (1920—1924). М.—Л., «Круг», 1925.

⁴ Н. Огнев. Рассказы. М.—Л., «Круг», 1925.

⁵ 6-й номер альманаха «Круг» вышел в свет в 1927 г.

⁶ Газета «Новая жизнь», в которой принимал деятельное участие Горький, — орган группы социал-демократов, так называемых «интернационалистов» — издавалась в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 г. В связи с постоянными колебаниями газеты в сторону меньшевиизма ЦК РСДРП(б) 20 августа (2 сентября) 1917 г. принял постановление о выходе из «Новой жизни» всех большевиков, которые до того времени

в ней сотрудничали. Упоминаемый в письме Кудрявцев, по-видимому, изображен Бабелем в рассказе «Гюиде Мопассан» под именем Алексея Казанцева.

⁷ Речь идет о рассказе «История моей голубятни», посвященном Горькому и напечатанном в «Красной нови», 1925, № 4.

В подстрочном примечании к рассказу сообщалось: «Данный рассказ является началом автобиографической повести». Продолжением «Истории моей голубятни» являлся рассказ «Первая любовь», напечатанный в альманахе «Красная новь», кн. 1. М.— Л., 1925.

2

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

⟨Париж. 26 января 1928 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович.

Я уезжал из Парижа в деревню, вернулся и застал ваше письмо ¹. Спасибо за приглашение. От всего сердца благодарю вас. Можно ли мне приехать весной? ² Я очень хочу вас видеть. Я все бьюсь над работой, которую начал давно ³. Поездка в Италию — соблазнительная чрезвычайно — может рассеять рабочее мое настроение, я этого боюсь. Поэтому мне хотелось бы приехать попозже, весной. Слухи о моих «болячках» преувеличены. Еще поживу.

Любящий вас И. Б а б е л ь

26.I.28.

15 Villa Chauvelot.

Paris 15.

¹ Указанное письмо обнаружить не удалось.

² См. письмо 4, прим. 1.

³ По свидетельству вдовы Бабеля А. Н. Пирожковой, — это был роман «Коля Топуз», герой которого — налетчик (во многом напоминающий Беню Крика) постепенно перевоспитывается в условиях советской действительности: он становится колхозником, а затем шахтером. Как сообщил И. Г. Эренбург автору настоящего комментария, Бабель работал над романом на протяжении многих лет.

3

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

15 Villa Chauvelot.
Paris, 15. ⟨29 февраля 1928 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович. Начинаю хлопотать о визе. Приеду в апреле ¹. Спасибо, что не забываете меня. Тревожиться обо мне не стоит, а может стоит... Перемудрил я, кажется. Окончу проклятую книгу ², из которой никак выбраться не могу, и снова кинусь в «мир» хлебнуть свежего воздуха. И «мир» выберу погуще. Три года живу среди интеллигентов — и заскучал. И ядовитая бывает скука. Только среди диких людей и оживаю. Вот дурак-то выдался...

Был у меня Безыменский, рассказал, что вы бодры и в добром здравии. Я очень рад. Жуткина еще не видел, бог спас... (Жаров и Уткин называются в Москве Жуткин) ³.

Посылаю вам мою пьесу «Закат», чудовищно изданную «Кругом» ⁴; грубейшие опечатки совершенно искажают текст. Я, какие ошибки заметил — выправил. Пьеса эта вчера — 28/II — в первый раз была представлена на сцене 2 МХАТа, надо думать — провалилась.

До свиданья, Алексей Максимович.

Ваш всем сердцем

И. Б а б е л ь

29/II 28.

¹ См. письмо 4, прим. 1.

² См. письмо 2, прим. 3.

³ А. И. Безыменский, А. А. Жаров, И. П. Уткин в феврале 1928 г. гостили у Горького в Сорренто.

⁴ И. Б а б е л ь. Закат. Пьеса. М.—Л., «Круг», 1928.

4

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Париж. 10/IV 28.

Дорогой Алексей Максимович. Я жду итальянской визы. Ожидание это может продлиться неделю, а может и больше. Напишите мне,

ПИСАТЕЛИ У ГОРЬКОГО В КРЫМУ

Рядом с Горьким (слева направо): М. Е. Кольцов, И. Э. Бабель и французский писатель А. Мальро

Фотография, Тессели, март 1936 г.

Собрание И. С. Зильберштейна, Москва

пожалуйста, когда вы едете в Россию¹. Как бы нам не разминуться... По совести говоря, Италия потеряет для меня тогда свою притягательную силу.

Я ничего не написал по поводу вашего юбилея², потому что чувствовал, что не сумею сделать это так, как надо. О ваших книгах и о вашей жизни у меня есть мысли, которые мне кажутся важными, но они не ясны еще, сбивчивы, противоречивы... Придет время, когда я все додумаю и смогу написать о вас книгу, я верю в это... А пока помолчу. Но все эти дни я

плю вам лучшие пожелания моего сердца, пожелания, какие только можно послать человеку, ставшему неразлучным нашим спутником, другом, душевным судьей, примером... Мысль о вас заставляет кидаться вперед и работать изо всех сил. Ничего лучше нельзя придумать на земле.

Ваш И. Б а б е л ь

¹ Горький выехал из Сорренто 20 мая, приехал в Советский Союз 27 мая. По свидетельству И. Г. Эренбурга и секретаря Горького М. И. Будберг, Бабель весной 1928 г. приезжал в Сорренто.

² В марте 1928 г. советская общественность отмечала 60-летие со дня рождения Горького.

5

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

<6 июля 1931 г.>

Дорогой А<лексей>М<аксимович>, я переписал еще несколько старых рассказов. (Новые не замедлят последовать)¹. Если будет время, — прочитайте, пожалуйста.

Ваш И. Б а б е л ь

6/VII 31.

¹ Возможно, речь идет о рассказах «Конец богадельни» (авторская дата: 1920—1929, первая публикация — «30 дней», 1932, № 1), «Дорога» (авторская дата: 1920—1930, первая публикация — «30 дней», 1932, № 3), «В подвале» (авторская дата: 1930, первая публикация — «Новый мир», 1931, № 10), «Пробуждение» (авторская дата: 1930, первая публикация — И. Б а б е л ь. Рассказы. М., «Федерация», 1932).

6

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Париж. 18.III 33 г.

Дорогой Алексей Максимович, томлюсь. Хочу ехать в Сорренто¹, в Москву — и не могу, нет денег. Написал в Москву, жду ответа. Пытаюсь заработать здесь, что трудно. Мне сделали предложение кинематографические фирмы²; я поставил условия, очень их ограничивающие. Не знаю, примут ли. Подожду еще неделю, больше не выдержу. Если денег не добуду — займу у кого-нибудь и поеду. Несмотря на столь неопределенные обстоятельства, — все-таки до свидания. Привет семье.

Ваш И. Б а б е л ь

¹ Бабель был у Горького в Сорренто в период между концом марта и началом мая 1933 г.

² Как сообщает М. И. Будберг, Бабель, по предложению одной из французских кинематографических фирм, начинал работу над сценарием «Конармия», однако работа эта вскоре была им оставлена. По свидетельству А. Н. Пирожковой, Бабель писал в то время сценарий «Азеф», который также не был экранизирован.

7

БАБЕЛЬ — ГОРЬКОМУ

Флоренция. 24/V 33.

Дорогой Алексей Максимович.

Глаза мои видют, ноги мои ходют, я во Флоренции. Этого достаточно для того, чтобы быть счастливым...

Собираюсь в Париж. Меня торопят с представлением сценария¹. Кое-что обдумал. В июне рассчитываю увидеться с вами в Москве и очень этому радуюсь.

Маршака оставил в неудовлетворительном состоянии². Ничего не мог поделатъ; мне надо ехать; беспокоюсь об нем.

Когда приеду, — расскажу вам и Яковлеву³, что я увидел в Неаполе; очень будет хорошо, если у нас выйдет «сочинение»...

Поклон от всего сердца чадам и домочадцам.

Ваш И. Бабель

¹ См. письмо 6, прим. 2.

² С. Я. Маршак в это время был болен; с помощью Горького он получил возможность жить и лечиться в Италии.

³ Художник Василий Николаевич Яковлев (1893—1953) в конце 1932 — начале 1933 г. жил у Горького в Сорренто.

И. Э. БАБЕЛЬ, В. В. ИВАНОВ, Ю. Н. ЛИБЕДИНСКИЙ, А. И. БЕЗЫМЕНСКИЙ, В. А. ПИЛЬНЯК
Шарж Кукрыникова, 1928 г.

«Читатель и писатель», 1928, № 6 от 18 февраля

8

ГОРЬКИЙ — БАБЕЛЮ

(Вторая половина 1933—1934 г.)

Дорогой мой Бабель —

когда вы — в Сорренто — прочитали вашу пьесу¹, вами, вероятно, замечено было, что ничего толкового, определенного я не мог сказать о ней и по поводу ее.

Должно быть, тогда, так же, как теперь, когда я сам прочитал рукопись пьесы, она меня удивила, но не взволновала. Не буду говорить о том, что это искусная работа и в ней мастерски даны очень тонкие, острые детали, но, в целом, пьеса — холодная, назначение ее неопределенно, цель автора — неуловима.

У всех, кто искренно любит литературу, в том числе и у меня, есть к вам особое, исключительное отношение: от вас, очень талантливого и мудрого человека, ждут каких-то особенно четких и больших работ.

Эта пьеса не оправдывает ожиданий, вами внушенных. Лично меня отталкивает она прежде всего Бодлеровым пристрастием к испорченному мясу. В ней, начиная с инвалидов, все люди протухли, скверно пахнут и почти все как бы заражены или поработаны воинствующей чувственностью.

Может быть, это — чувственность отчаяния людей, которые, погибая, стремятся оставить память о себе и как месть за себя пятна гнили на полу, на стенах.

Задача «большого» искусства: показать людей во всей их сложности — дело психологов, или определенно отвратительными — дело критиков-реалистов, или даже вызвать уважение и симпатии к людям — романтизировать их.

Вы, по существу, кажетесь романтиком, но кажется, что вы почему-то не решаетесь быть таковым.

Марией, которая участвует в пьесе лишь «эпистолярно», и последним актом утверждается ваша склонность к романтизму, но выражена она фигурами, которые не кажутся удачными и даже позволяют думать, что они введены в пьесу как «уступка» некоему требованию извне, а не как противопоставление, обоснованное автором эмоционально. Последний акт весь прикреплен к пьесе механически — вот каково впечатление. В нем действует исключительно разум, тогда как в первых ясно чувствуешь наличие интуиции.

Трудно, да и не хочется допустить, что раздор или разрыв «интуиции» и «рацио» был органически дан вам; лично я убежден, что это разногласие — технического характера.

Я не считаю себя «драматургом», но, должно быть, могу более или менее интересно писать для театра забавные сценки, чем и объясняется театральный «успех» мой. Думаю, что вы тоже не драматург, ибо форма эта требует легкой и ловкой руки, а у вас — рука тяжелая. Говоря между нами, хорошая подлинная драма — исключение весьма редкое: от Гюцкова осталась «Уриель Акоста», от Островского — «Гроза» и т. д. — остаются жить только те драмы, которые родственны «высокому искусству» — трагедии, и очень жизнеспособна комедия, на ней бы и должен строиться современный театр.

И вот мне думается, что вам, человеку, который обладает свойством юмора, нередко переходящего в сарказм, — вам бы попробовать комедию написать. Драму вы строите почти всегда на какой-то большой, но — подорванной, разбитой силе.

В пьесе вашей особенно не нравится мне Дымшиц, напоминающий Гржебина². Вы поставили его в позицию слишком приятную для юдофобов. Все это сказано, вероятно, не очень вразумительно, а вывод я бы сделал такой: не ставьте эту пьесу в данном ее виде³. Критика укажет вам, что пьеса не в тоне с действительностью, что все показанное отжило, да и не настолько типично, чтоб показывать его. И будет подчеркнут пяток реплик, которые дадут охочим людям право на политические умозаключения, враждебные лично вам.

Печатается по машинописной копии из личного архива Горького.

Датируется по времени работы Бабеля над пьесой «Мария» (в период после посещения Горького в Сорренто в 1933 г.). См. письмо 6, прим. 1.

¹ Речь идет о рукописи пьесы «Мария». Впервые опубликована в журнале «Театр и драматургия», 1935, № 3.

² Зиновий Исаевич Гржебин (1869—1929) — издатель.

³ Горький, по всей вероятности, читал пьесу в рукописи, в ранней редакции, после этого Бабель еще много над ней работал.